

УДК 82-95:82-1

«ПОЭТ ПЕРМИ И КАМЫ»: ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ В УРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ

Зоя Сергеевна Антипина

заведующая лабораторией политики культурного наследия

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. afaneog@psu.ru

На материалах региональной периодической печати рассматриваются механизмы формирования литературной репутации В.В.Каменского в советскую эпоху и прослеживается процесс замещения концепта «советский» концептом «пермский» («поэт Перми и Камы»).

Ключевые слова: советская литература; Василий Каменский; геопэтика; литературная репутация.

В отечественной филологии сложился устойчивый взгляд на Василия Каменского как на поэта-футуриста, в советское время оставшегося за пределами «большой» литературы. Внимание российских, а также зарубежных исследователей традиционно акцентируется на визуальной поэзии Каменского и его участии в деятельности группы кубофутуристов «Гилея»¹. Исследования разных лет, как правило, рассказывают о футуристском творчестве поэта до начала 1920-х гг. и кратко перечисляют основные произведения советского периода, отмечая их художественное несовершенство². Между тем исследование творческой деятельности В.В.Каменского в 1920-1930-е гг. представляется актуальным прежде всего в социокультурном аспекте. Во-первых, как вариант стратегии поведения писателя в условиях формирования тоталитарной государственной системы. Во-вторых, с точки зрения участия представителей «большой» столичной литературы в региональном литературном процессе, в частности пермском.

После Октябрьской революции статус и литературная репутация многих писателей претерпевали значительные изменения. «Левые» поэты-футуристы (и более всего Владимир Маяковский) на несколько послереволюционных лет из скандальных отщепенцев превратились в официальный литературный рупор советской власти. Из центральной группы русских кубофутуристов – В. Хлебников, Д. Бурлюк, В. Каменский и В. Маяковский – только Василий Каменский долгое время (до начала 1940-х гг.) оставался активным участником живого литературного процесса, испытав на себе все перипетии стреми-

тельного утверждения новой политической системы. Он был членом ЛЕФа, в первой половине 1930-х гг. стал одним из многочисленных объектов «культ личности» (на региональном уровне), в 1937-1938 гг. едва не был репрессирован, после чего оказался на периферии литературной жизни – в буквальном и переносном смысле. Тем не менее литературное амплуа советского поэта принесло Василию Каменскому и официальный статус, и народную славу (хоть и недолгую, но яркую), и долгожданное признание на родине, в Перми.

В 1920-х гг. Василий Каменский был одним из самых известных и популярных поэтов Советской России: его произведения печатались, о нем писали газеты, его выступления привлекали множество публики. В 1930-х гг. популярность Каменского была подкреплена официальными знаками внимания: государственными наградами, юбилейными мероприятиями, введением имени Каменского в социальную топонимику уральского региона. В частности, известная фраза В. Маяковского о Т. Нетте «человек и пароход» в это время могла быть обращена и к В. Каменскому – в 1930-40-х гг. по Каме и Волге ходил большой почтово-пассажирский пароход «Поэт Василий Каменский». Кроме парохода, имя Каменского носили клуб, школа, колхоз и т.д.

На родине, в Прикамье, в 1920-30-х гг. Василий Каменский был настоящим культурным героем. Притязания Каменского на роль просветителя «необразованной Перми» совпали с потребностями власти в герое нового времени. Одним из аргументов в пользу Каменского был офици-

альное признание поэта в центральной литературе. Другим, не менее важным, стала «пермскость» Каменского, о которой, как о сущностном свойстве своей натуры, поэт заявил еще в начале творческого пути. Каменский ощущал тесную связь с пермской землей и называл себя «сыном Камы»: «Кама – будто первый верный друг, никогда неизменный, всегда близкий, добрый, светлый <...> Кама – единственное – как Солнце – счастье, ласково матерински обвеявшее мое сиротское детство теплыми чудесами. Кама – вот кто была моей желанной подругой, ни разу меня не обидевшей [Каменский 1918: 48]. Позднее, в 1922 году, своем дневнике Каменский напишет проникновенные строки о разоренном гражданской войной родном городе: «Здравствуй, моя захолустная родина, моя вдрызг обнищавшая старуха, моя разоренная гражданской бойней Прикамская Пермь... Дай твои мудрые глаза, преисполненные безысходных страданий, дай я поцелую их, ибо я верный сын твой и до конца останусь благодарным и любящим тебя» [Каменский 1922].

Важную роль в утверждении литературной репутации Каменского как своего, пермского поэта сыграла местная периодика, которая после революции долгое время оставалась главной ареной провинциальной литературной жизни. Симптоматично, что первая большая серьезная литературно-критическая статья о Каменском была опубликована еще в 1918 году в пермской газете «Народная свобода» журналистом и критиком Борисом Михайловичем Поповым. Название «Поэт Перми и Камы» и дата публикации (первая часть из десяти появилась в номере от 1 января 1918 г.) очень символичны – статья словно напророчила Каменскому его творческую судьбу после Октябрьской революции. Заголовок «Поэт Перми и Камы» созвучен той формуле «певец Урала и Камы», которая позднее прочно закрепится за именем Каменского в истории литературы.

Поводом для статьи стал выход книги В. Каменского «Его-моя биография Великого Футуриста». Рецензируя издание, Б. Попов фактически говорит о месте Каменского в русской литературе начала XX века (правда, отказывая Каменскому в звании футуриста) и, что особенно интересно, указывает на особое значение творчества Каменского для пермской литературы. В книге, по мнению критика, «за всеми футуристическими кривляньями <...> сквозит лицо настоящего поэта» [Попов 1918: 134, 2], при этом Каменский «делается несомненным поэтом» только в изображении Перми: «жизнь Каменского-ребенка <...>, жизнь Пермских нижних пристаней, Слудки, конторщиков-голубятников, маль-

чишки-птицеловы, «сверлоголовые угланы», ночные «рыбалки» на Каме – вся эта, уже отходящая в невозвратное прошлое жизнь былой мещанской Перми, встает, как живая, преобразуется поэтически» [Попов 1918: 136, 2].

Сама пермская поэзия, по мнению критика, начинается с Каменского: «Кама <...> и тихий, уютный, просветленный какой-то особенной близостью к природе, воплощенный в образе голубятника и охотника дяди Вани, быт старой мещанской Перми воспитали в Каменском подлинного поэта, *первого пермского поэта*» (выделено нами – З.А.) [Попов 1918: 142, 2].

Б. Попов доказывает право Каменского называться первым пермским поэтом: «в пользовании пермскими и вообще северо-восточными провинциализмами, в сохранении их хотя бы для истории русского языка – первая и несомненная заслуга Каменского как пермского поэта» [Попов 1918: 138, 2]; «он первый явился певцом Камы, не как лесного шишкинского пейзажа, а Камы пермской, городской, прибрежной, овевающей своею вольною ширью тесноту и мелочность города, осветляющей угрюмую придавленность скучного и бедного мещанского быта, рассказывающей «изумительную правду», будто в нас живет нечто иное, второе существо, которое будет называться после поэтом» [Попов 1918: 142, 2].

Попов сравнивает камские пейзажи «поэта» В. Каменского и «протоколита» Ф. Решетникова: «именно в Каменском, и только в Каменском, а не в Решетникове <...> Кама, и притом именно Кама в Перми, нашла, наконец, своего поэта, своего художника, который, вопреки присущей ему вообще небрежности, неряшливости и неразборчивости, здесь, говоря о Каме, достигает высокого мастерства, подлинной художественности, яркой изобразительности и творческой запечатленности слова» [Попов 1918: 142, 2].

Сравнение пермским критиком поэта-футуриста В.В. Каменского с писателем-демократом Ф.М. Решетниковым не случайно. В течение полувека Решетникову принадлежала слава главного пермского литератора, почти первооткрывателя Перми и пермского Прикамья для большой русской литературы. Но созданные Решетниковым в очерке «Подлиповцы» ужасающие картины жизни коми-пермяцкого народа не могли льстить губернской Перми. И гости, и жители города на протяжении всего XIX в. упрекали Пермь в призрачности и притворстве, мещанстве и бытовой «запыленности». В начале XX в. известный пермский журналист Сергей Ильин сетовал:

Боюсь, что город поэтичным

3] Весьма рискованно назвать! [Ильин 1902: 3]

Иначе говоря, Пермь ждала поэтического осмысления. Одухотворяющая сила поэзии должна была «оживить» Пермь, разбудить «спящий в передней русской культуры» город [Осоргин 1989: 31].

Размышления Бориса Попова в 1920-х гг. не были поддержаны культурными деятелями соцреализма – советская эпоха предъявила к литераторам совсем иные требования. В первые после-революционные годы пермская пресса «продвигала» образ Каменского – советского поэта, не размениваясь на детали и оттенки. Только в 1930-х гг. Прикамье стало открывать Каменского как своего, пермского поэта. Литературно-критические и журналистские публикации о нем в пермской периодике, приближаясь к выводам Попова, обращали внимание на пермское происхождение Каменского и на тему Прикамья в его творчестве.

В пермских газетах конца 1920 – 1930-х гг. освещение жизни и деятельности В.В. Каменского было хроникальным – регулярно сообщалось о выступлениях Каменского, публиковались репортажи и корреспонденции с его выступлений, пермяков извещали о визите поэта в тот или иной город страны. Пресса подчеркивала пермское происхождение Каменского, рассказывала о его усадьбе на Каменке и в селе Троица, охотно публиковала посвященные Прикамью очерки и рассказы. В 1928 г. в пермской областной газете «Звезда» была опубликована серия очерков о пермской деревне под общим названием «Лето на Каменке». Сам поэт проводил в Прикамье все больше времени, подолгу зимой жил в своей троицкой усадьбе. Постепенно Прикамье заняло место главного «героя» произведений Каменского: пейзажная лирика полностью посвящалась пермской природе, действие очерков и рассказов ограничивалось Прикамьем, пермские знакомые Каменского становились прототипами его персонажей, изменилось присутствие в тексте Каменского-автора – из главного героя своих произведений он превратился в стороннего рассказчика, наблюдателя.

Уход Каменского в 1930-е гг. с центральной литературной сцены не просто в провинцию, а в деревню, был связан не только с любовью поэта к природе и естественной жизни. Одной из главных причин были отношения Каменского с властью. Несмотря на официальные знаки внимания и внешнее относительное благополучие, поэт с трудом «вписывался» в современную ему литературную ситуацию³. На рубеже 1920-30-х гг. в письме другу и издателю Б. Корнееву он вспоминает выражение «удемьянили литературу» и

пишет о своем желании «уйти в землянку»⁴. В это же время в письмах родным поэт часто говорит о том, как тяжело ему дается общение с чиновниками от литературы⁵. В некотором смысле уход Каменского в «землянку» сопоставим с уходом Льва Толстого из Ясной Поляны⁶. В обоих случаях этот «уход» был вызван стремлением избавиться от чуждого, отталкивающего окружения и обратиться к естественной, настоящей жизни – в той мере, в какой это позволяли обстоятельства.

Внимание уральской прессы к Каменскому усилилось в первой половине 1930-х гг.: в 1933 г. официально праздновалось 25-летие его творческой деятельности, в 1934 г. – 50-летие поэта. В самых разных изданиях появилось множество публикаций: юбилейные статьи, информационные сообщения, корреспонденции с мест выступлений поэта, поздравительные телеграммы. Газета «Звезда» торжественно сообщала о прибытии поэта в Пермь: «Сегодня пермские общественные организации встречают поэта-пермяка, поэта Камы, который приезжает вечером (в 18 часов) на пароходе «В. Каменский» [С.Г. 1933: 4]; о встречах Каменского с пермяками: «Тепло и дружески встречали представители общественных организаций Перми и водники Камы поэта В.В. Каменского 28 июля в саду Профинтерн» [Поэт В.В. Каменский на новостройках и заводах Перми 1933: 4]; предстоящих мероприятиях: «в звуковом кино “Художественный” на днях будет демонстрироваться звуковая фильм, посвященный В.В. Каменскому и организуется вечер с участием самого поэта» [там же].

Сельская газета Пермско-Сергинского района Пермской области после публикации поздравительных приветов, автобиографии и нескольких стихотворений Каменского резюмировала: «...знать В. Каменского по его трудам должен каждый трудящийся» [Колхозный клич 1988: 1].

Общественный комитет деятелей искусств по чествованию 25-летия творчества поэта Василия Каменского обращался к жителям соседнего Свердловска: «Дорогие товарищи! <...> В наши дни исторического роста советской культуры мы, деятели советского искусства, считаем долгом отметить 25-летнюю творческую работу нашего поэта Василия Каменского, имя которого известно всему Союзу ССР как имя автора многих книг, пьес и особенно популярных его произведений «Степан Разин» и «Емельян Пугачев» <...> Мы обращаемся к вам, товарищи, с просьбой отозваться на этот поэтический юбилей спешной присылкой поэту своих приветствий в знак высокой награды общественного внимания» [К 25-летию творчества поэта Василия Каменского 1933: 2].

Значительная роль в формировании «пермской» иконографии Каменского принадлежит журналисту областной газеты «Звезда» Савватию Гинцу, ставшему первым биографом и апологетом поэта. Гинц – автор самых подробных и вдохновенных статей о Каменском в пермской прессе. Публикации Гинца, посвященные поэту, отличаются эмоциональностью, оценочностью («жизнерадостный», «боевой агитатор», «большое значение»), неизменными эпитетами («талантливый», «оригинальный», «знаменитый»). Гинц постоянно говорит о новаторстве и социальной и творческой активности Каменского (автор «первой советской производственной пьесы», «один из первых перешел на сторону революции», «искатель нового слова», «беспреданно колесящий по стране») [Гинц 1933: 4]. Независимо от повода публикации, журналист настойчиво называет Каменского знаменитым, известным, талантливым поэтом-пермяком, земляком, поэтом Камы, певцом Урала и Камы, рассказывает о любви Каменского к родному Прикамью [Гинц 1936: 3]. Позднее, в 1944 г., в юбилейной статье Гинца «Певец народа» тема «Каменский и Прикамье» станет едва ли не главной: «аромат уральской природы, черты уральского характера, дух камской широты и простора всегда присутствуют в его стихах», «Каменский не перестает любовно и восторженно воспевать свой родной край – Урал, Каму, Прикамье с их природой, с их людьми», «Каменский всегда и безраздельно влюблен в свой родной край, в Урал, в Каму, и им отводится много места в его творчестве», [Гинц 1944: 2]. Перефразируя звание Каменского «певец Камы», Савватия Гинца можно смело назвать «певцом Каменского».

Уральская, и в большей степени пермская печать не просто поддержала претензии Василия Каменского на роль главного пермского поэта. Газета впервые назвала его поэтом города Перми и реки Камы и утвердила Каменского в этом статусе. Для самого Каменского эта «пермскость», репутация «поэта Перми и Камы», продвигаемая местной прессой, стала защитой от тотальной советской эгалитарности. В то время как центр создавал и поддерживал плакатный, во многом обезличенный образ советского поэта В. Каменского, уральское, в частности, пермское культурное сообщество, придавало этому образу индивидуальные черты. В конечном счете, образ «поэта-пермяка» стал альтернативой официальному статусу «советского поэта» и неотъемлемой частью литературной репутации Каменского. Во второй половине XX в. в Прикамье определение «пермский» по отношению к поэту Василию Каменскому практически заменило собой слово «советский».

¹В частности, посвященные «железобетонным поэмам» и книге В.Каменского «Танго с коровами» работы С.Бирюкова, Н.Сироткина, Дж.Янчека, Р.Рапп.

²Например, в изд.: Литературная энциклопедия. М. 1929-1939 г. Т. 5, 1931, Стлб. 83-85; Краткая литературная энциклопедия. М. 1966. Т. 3. Стлб. 344-345; Русские писатели: библиографический словарь. В 2 ч. М. 1990. Ч. 1. С. 455-458; Русские писатели 20 века. Биографический словарь. Под. ред. П.А. Николаева. М. 2000. С. 328-329; Русская литература 20 в. Прозаики. Поэты. Драматурги. В 2 т. М. 2005. Т. 2. С. 148-150.

³Нарком внутренних дел Н.Ежов в записке И.Сталину от 15 июля 1937 г. писал: «...Каменского В.В. считаю необходимым арестовать. Прошу Вашей санкции» [Власть и художественная интеллигенция, 1999: 379]. Санкция на арест была получена. Искусственность и нарочитость оптимизма В. Каменского отмечал, в частности, В.Марков – «примитивный показной энтузиазм» [Марков, 2000: 283].

⁴Письмо В.Каменского Б.Корнееву, 01.10.[1930] // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2563, оп. 1., ед. хр. 15, л. 45.

⁵Переписка В.В.Каменского с Т.С.Грицем и Б.И.Корнеевым в Российском государственном архиве литературы и искусств (фонд 1497) и фонде Государственного музея В.В.Маяковского.

⁶Возможное влияние Л.Толстого на творчество Каменского было отмечено В. Марковым. Говоря о пантеистическом романе Каменского «Землянка», он пишет: «оказывается, Каменский – последователь Льва Толстого» [Марков, 2000; 31].

Список литературы

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / сост. А.Артизова и О.Наумова; под ред. А.Н.Яковлева. М.: МФД, 1999.

Гинц С. Василий Каменский – поэт бодрости и жизненной энергии // Звезда. 27.07.1933. С.4.

Гинц С. Знаменитые земляки (очерк шестой): Поэт. В.В. Каменский // Звезда. 08.09.1936. С.3.

Гинц С. Певец народа // Звезда. 18.04.1944. С.2.

Ильин С. К приезду дорогих гостей // Пермские губернские ведомости. 23.06.1902. С.3.

К 25-летию творчества поэта Василия Каменского // Уральский рабочий. 23.03.1933.

Каменский В. Его-моя биография Великого Футуриста. М.: Китоврас, 1918.

Каменский В. Лето на Каменке: Романтический дневник. 22 июля 1922 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 232, л. 29.

Колхозный клич. 26 марта 1933 г. [Б.а., б.н.]

Марков В.Ф. История русского футуризма. / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000.

Антипина З.С. «ПОЭТ ПЕРМИ И КАМЫ»: ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ В УРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ.

Осоргин М.А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы / сост. Н.А.Пирумовой; вступ. ст. А.Л.Афанасьева. М.: Современник, 1989.

Попов Б. Поэт Перми и Камы // Народная свобода. 1918. №№ 130-148.

Поэт В.В. Каменский на новостройках и заводах Перми // Звезда. 01.08.1933.

С.Г. В.В.Каменский (К приезду в Пермь) // Звезда. 23.06.1933.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 07-04-8240а/У «Русская литературная классика в культурной жизни Прикамья конца 19 – начала 20 вв.».

**THE POET OF PERM AND KAMA: VASILY KAMENSKY
IN THE URAL PERIODICAL PRESS 1920-1930**

Zoja S. Antipina

Head of Cultural Heritage Policy Laboratory
Perm State University

On the materials of the regional periodical press the mechanisms of forming of Kamensky's literary reputation in the soviet epoch are considered and the process of substitution of the concept "Soviet" by the concept "Perm" ("the poet of Perm and the Kama") is analysed.

Key words: Soviet literature; V.Kamensky; geopoetics; literary reputation.